

УДК 821.511.131.09

Т. Р. Душенкова

**ФЭНТЕЗИ И РЕАЛЬНОСТЬ:
О САКРАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ИЖЕВСКА
(ПО ПРОЧТЕНИИ РАССКАЗА Е. МИННИГАРАЕВОЙ)**

В статье речь идет о литературной интерпретации мифа/легенды о древнем кладбище праудмуртов, которая расходится с археологическими исследованиями. Благодаря художественному вымыслу Е. Миннигараевой мистическое пространство Ижевска обретает новые ракурсы и новые символы. Бурное обсуждение темы рассказа по выходе книги в 2016 г. говорит о том, что оно не осталось незамеченным, и всколыхнуло целую волну интереса к истории Ижевска, Ижевского могильника, мистическим местам и т. п. Рассказ-фэнтези «раскрывает» интересное прошлое территории, на которой расположен современный Ижевск, и при этом вновь культивируется миф о негативных локусах столицы. Автор, добавляя артефакты, делает текст многослойным. Передача сакральной закодированной информации (или знания) происходит через камушек, внешне ничем неприметный. Серый (черный) камень становится символом древнего знания и тайны, передаваемой через молодых женщин и девушек. Плата – утрата внешней красоты и молодости, и, возможно, обретение мудрости. Безумие, в которое погружаются обладательницы камушка, попытки избавиться от него, избранность – все эти и другие вопросы глубоко волнуют каждую из представительниц слабого пола, волею судьбы или какой-то нелепой случайности, ставших хозяйками артефакта. Главная героиня рассказа Анна оказывается в затруднительном положении. «Истина» ускользает от нее, а сама она ждет чуда, которого не происходит. Возможно, смирение и здравый смысл дадут ей шанс выжить и разгадать страшную тайну, скрытую под слоем столетий. Интертекстуальные связи усиливают эффект догадки. Ассоциации и культурные знания заставляют читателя расшифровывать прочитанную информацию.

Ключевые слова: литературная интерпретация, современная литература Удмуртии, фэнтези, сакральное место, негативный локус, символ, артефакт, интертекстуальные связи, декодирование, поэтика имени.

Без легенды Город пуст, его не-мистическое пространство не даёт возможности для развития новых фантазий и роста старых
[Роднов 2007, 171].

«Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил города, их облик определяется гением места, и представление об этом – сугубо субъективно. Субъективность многослойная...» [Вайль 2010, 3].

Каждое место, а в особенности город, обладающей своей уникальной историей, имеет свою ауру и неповторимую энергетику. Об Ижевске писали и пишут многие авторы. Если исключить

социалистический период, то для современных удмуртских и русских писателей Ижевск до недавнего времени считался отрицательным местом.

В поэтическом творчестве удмуртских поэтов – Михаила Федотова, Сергея Матвеева, Вячеслава Ар-Серги, в особенности, Виктора Шибанова – Ижевск предстает негативным и несколько мистическим, населенным злыми духами [Душенкова 2013, 56–63]. Русскоязычный писатель Лев Роднов также пишет о городе в серых тонах, характеризуя его как негативный локус: «Город – колдун серый» [Роднов 2007, 169]. Легенды, мифы, которыми окутан город, сгущают эту особую ауру. А. Арзамазов пишет, что «столица Удмуртии, город психологически чрезвычайно сложный для удмуртских писателей, не ассоциируется с творчеством, искусством. Ижевск – город серой повседневности, рутинности, быт здесь подавил бытие» [Арзамазов 2015, 322]. Лишь Зинаида Рябинина воспринимает Ижевск, как светлый локус, где сбываются ее мечты и планы [см.: Душенкова 2015]. Молодая удмуртская писательница – Елена Миннигараева – решила продолжить миф о мистических местах Ижевска в своем рассказе-фэнтэзи «Из» («Камень»).

В данной статье рассмотрим конкретное место г. Ижевска, в котором разворачиваются основные действия реального и вымышленного событий – это берег Ижевского пруда, где ныне стоит Дворец пионеров.

Из истории. Чем же оно стало примечательно? В этой связи вспомним книгу Евгения Шумилова «Город на Иже» (1990). Нас интересует лишь один фрагмент из неё, который описывает Швивую* (Вшивую) горку. Летом 1957 г. местные мальчишки, накупавшись в пруду, лежали на солнышке, рылись в песке и нашли монету, которая оказалась античной, а затем бляхи и др. вещи. Так был открыт Ижевский могильник. В раскопках участвовали археологи. В год открытия работу вел В. Ф. Генинг [Генинг 1967]. Уже в сентябре были вскрыты 40 могил. В них нашли прекрасные медные застёжки, оружие, ярко-красные кожаные ремни, украшения из раковин, которые принадлежали праудмуртам.

В 1975 г. перед строительством Дворца пионеров, раскопки возобновили. Т. И. Останина – участница второго мероприятия – скрупулезно и с научной педантичностью зафиксировала все находки в своих публикациях: [Останина 1975; Останина 1984; Останина 1990]). В этот раз было обнаружено более 200 захоронений. Учёные подчёркивали, что по антропологическому типу мужчины имели резко выраженные монголоидно-европеоидные черты – скуластые и с раскосыми глазами, а женщины, вероятнее всего, были местные. Археологи относят данные захоронения к мазунинской культуре (III–V вв. н. э.). В Прикамье в то время происходило перемещение племён. Рост их численности на территории современной Башкирии вынуждал идти на север, где они смешивались с местным населением. Тогда-то и был заселён бассейн реки Иж. Е. Шумилов пишет: «Тут второе древнейшее место жительства. Они рыбачили здесь и топили очаги еще во времена основания Киева» [Шумилов 1990, 20]. Мазунинцы хоронили своих умерших в гробах в узких длинных ямах, глубина которых колебалась от 25 до 105 сантиметров. Были обнаружены кожаные пояса, украшенные бляхами-раковинами и медными накладками, боевые мечи и топоры. Во многих захоронениях в изголовье были обнаружены сложенные в берестяные коробочки вещи, которые археологи называют жертвенными комплексами. Как видим, ничего особенно в них не было. Гендерный состав тоже не вызывал никаких вопросов: пол и возраст каждого был определен – это были останки мужчин, женщин, детей и стариков.

Второй момент. В рассказе данный локус имеет негативную окраску, описан мрачными красками и наполнен мистическими силами. Историк-искусствовед Е. Шумилов так описывает район Ижевска, известный как Колтома: «Горка вызывала у старых ижевцев суеверный страх.

---

* Швивая – во времена оружейного завода здесь, на далекой окраине поселка обитало несколько портных. *Портной* раньше назывался *швец*. Поэтому и место называлось *Швивая горка*. Шили мундиры для чиновников, наряды для оружейников. В силу определенных языковых ассоциаций, изменения порядка букв, ее стали называть *Вшивой*.

На чердаках стрекотали полудницы-кикиморы*. Суседко** имя пяtko чесал, а по ночам по крышам, на голубницах, вешшицы*** бродили, т. е. женщины-оборотни. Колдуньи и знахарки почти в каждом доме были. И много лихих людей – разбойники, каторжники» [Шумилов 1990, 20]. Это как раз то место, где разворачиваются события в рассказе.

Вымышленное. Из разговора с писательницей выяснилось, что первоначально задумывалась история о сакральных местах**** и знаковых постройках Ижевска, образующих определенную сакральную и ментальную карту столицы Удмуртии (сравните с сакральной картой Санкт-Петербурга****, Москвы, высотками Сталина, и т. п.). В произведении удивительным образом сошлись современность и (раннее) Средневековые удмуртской истории, и интрига, и мифология камня, и необъяснимые явления.

Е. Миннигараева по-своему интерпретирует легенду о сакральном месте как древнем кладбище (пра)удмуртов. Вымысел автора несколько разнится с научными сведениями. Древнее захоронение оказывается женским – на нем похоронены девушки с камушком в руке или во рту. Кто они – молодые жрицы, хранительницы тайных знаний или жертвы? На берегу пруда, где ныне стоит Дом пионеров, разворачивается сюжет. Именно здесь героиня рассказа находит невзрачный камушек, который отбирает у нее молодость.

Ижевский локус – это берег Ижевского пруда. Героиня не раз возвращается на это место, пытаясь разрешить сложную загадку. Неведомая сила тянет ее сюда (*Ижкарлэн чыктем вирсэрез* ‘затхлая вена (артерия) Ижевска’) до и после нахождения камушка. Место, где стоит Дом пионеров, представлен как патогенное место*****: *шай бервыл* ‘место могилы’, *лысьёмъёс вылын*

---

* Полудница – низшая богиня обеденного зноя в славянской мифологии – шаловливый дух. Сестра купальницы, вечерки Зари-Заряницы. Она развлекается тем, что морочит путникам головы, насылая на них разные видения, галлюцинации и мороки, солнечный удар.

Кикимора – русский и, в меньшей степени, белорусский мифологический персонаж, преимущественно женского пола, обитающий в жилище человека и в других постройках, прядущий по ночам и приносящий вред и неприятности хозяйству и людям. Представления о кикиморе известны с XVII в., предполагается также связь её образа с более древними персонажами.

** Суседко – один из многочисленных домашних духов. Он живет на печи, на шестке, и прозван так за свое сожительство с людьми. Он очень маленький и его почти не видно, однако известно, что это муж кикиморы. Одет в огромную, не по росту, лохматую шапку. Суседко очень доброжелательный и старается своевременно предупредить людей о могущих быть бедах. Он может обернуться кошкой, собакой, гоняет кур.

*** Вешшица – опасная птица-оборотень; ведьма птица. Представления о птице-предвестнице, предсказательнице и об оборачивающейся сорокой ведьме-вешнице объединены распространенным в поверьях XIX–XX вв. у славян образом вешшицы, вешейки (реже вешуны).

**** Интернет-ресурсы обладают обширным материалом о мистическом Ижевске. Здесь же можно найти сведения, например, о черной звезде, находящейся во Дворце пионеров, и являющейся порталом в иной мир. С виду обычный старый паркетный пол, истоптанный учащимися балльных классов, ничем непримечательный. Но есть сведения, что наступив на нее, человек теряет силы, начинаются головные боли и т.п.

Большой интерес представляет книга П. Зарифуллина «Русская сакральная география» [Зарифуллин 2015], где он описывает разные места, связанные с проживанием коренных народов России, в том числе и финно-угорских. Себя он считает/называет учеником Льва Гумилева.

***** Ср. с другим городом: «...призрачный миражный Петербург (“фантастический вымысел”, “сонная грёза”), и его (или о нем) текст, своего рода “грёза о грёзе”, тем не менее, принадлежат к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого, уже неотделима от мифа и всей сферы символического» [Топоров 1995, 259].

***** Если говорить о патогенности ижевского локуса, то об этом писали не только удмуртские поэты-этнофутуристы (см. многочисленные статьи об их творчестве В. Шибанова, Е. Миннигараевой, Н. Кондратьевой, Т. Зверевой, А. Арзамазова и др.), но и русские писатели Ижевска – например, Лев Роднов. В СМИ и научных статьях (см. статьи Е. Ф. Шумилова и других краеведов) не раз публиковались легенды и предания с негативным подтекстом.

‘на останках’, *изэн вёлдэм сюресъёс* ‘дорога, вымощенная камнем’, *куашкам зусъёс* ‘сломанные скамейки’, *пыд улаз чипс пакет шалтрак кариз* ‘под ногами хрустнул пакет из-под чипсов’, *пилиськем зенеликъёс* ‘разбитые бутылки’, *бумагаос* ‘бумажки’, *кырсь шприц* ‘грязный шприц’, *пуксъныны нокытчы* ‘сесть некуда’, *котыр пушнер* ‘вокруг крапива’.

Анна*, главная героиня рассказа, пытается разгадать загадку: действительно ли на этом месте в древние века было захоронение, возможно, праудмуртов? Таких мест в Ижевске много: УдГУ, Ледовый дворец, Аксион и Михайловский собор, Дом пионеров и другие объекты были возведены на костях. Какова же энергетика этих мест? – задается вопросом героиня. Но археологи (по тексту) установили, что оно было необычным: были найдены останки молодых девушек с камушком в руке. Именно этот вопрос не дает покоя Анне.

Наше время, современный город, люди. На его фоне мысли Анны кажутся странными. Ее расследование становится поворотным ключом. Мрачность, напоминающая атмосферу готического романа, навеянная описанием зловещего места, всё больше усугубляется.

Вот одна из сцен: на скамейке сидит старуха лет 70, но одета, как девушка лет 20, в джинсы. Несоответствие сразу бросается в глаза. Старушка отдает ей серый камушек и убегает. «Я не смогла, ты сможешь». Анна бросает камушек в крапиву**. Но через несколько дней возвращается. Отыскивает его и больше не расстается.

Как предупреждение ей слышится горький плач ребенка – он упал в крапиву. Она помогает ребенку подняться, но вместо благодарности слышит голос его матери, полный обвинений. И здесь начинается мистическое. Обморок, потеря сознания... Лицо быстро становится старым, морщинистым. С ней происходят необъяснимые наукой события – превращения в духе Дориана Грея (О. Уальд «Портрет Дориана Грея»).

* Анна – в переводе с еврейского языка означает благодать и милость. Входит в православный именослов. Основное качество обладателя данного имени – доброта. Как утверждают справочники, человек с таким именем может быть хорошим учителем, сестрой милосердия, воспитателем, парапсихологом, т. к. обладает тайными знаниями, ясновидением – читают книгу жизни. Это интроверты, обладающие сильной волей, аналитическим умом.

Неизвестно, специально ли автор выискивал такое имя для героини, или это был интуитивный выбор, но попал в яблочко, ибо дальше по сюжету идет раскрытие значения этого имени. Можно также вспомнить других героинь, обладательниц этого замечательного имени в русской литературе, например, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, Анна из рассказа А. П. Чехова «Анна на шее», Аннушка из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова и др.

** Крапива – многолетние или однолетние, однодомные или двудомные травянистые растения, с супротивными листьями. Листья растения, как и стебли, часто покрыты жгучими волосками. Народные названия: крапива, жалюга, жгучка, жалива, жегала, стреканка, стрекава, костырка, кострика, спорекуша и др. Крапива широко используется в медицине, молодые побеги употребляются в пищу. Греки считали крапиву афродизиак, она входила в состав любовных напитков. В X в. из неё делали канаты, холсты и шили паруса. Ткань из волокон крапивы считается очень прочной и гигиеничной по своим свойствам. Из корней крапивы можно получить желтую краску, а из ее листьев – зеленый пищевой краситель.

Накануне Иванова дня крестьяне собирают жгучую крапиву и кладут на окнах и порогах домов, чтобы наверняка отдалить от себя ведьм, леших и нечистых духов.

Крапива – символ укулов любви и страдания, символ жизни, полной отчаяния. В то же время на Руси считалось, что крапиву может спокойно срывать руками только невинная девушка, то есть растение считалось еще и символом невинности. Одно из самых известных литературных произведений, где упоминается крапива – это сказка Г. Х. Андерсена «Дикие лебеди». Единственный способ, которым Эльза могла спасти своих заколдованных братьев – это сплести для них кольчуги из стеблей крапивы.

Крапиву не только уважали, ее боялись. В связи с этим негативная символика растения отражена в народных поверьях, выражениях, приметах. Так, сильно разросшаяся крапива считалась предвестником смерти, разрухи, запустения. «Найти в крапиве ребенка» означало родить вне брака, а крапивницей называли мать такого дитя, а «прыгнуть в крапиву» – заниматься прелюбодеянием, иметь порочную любовную связь вне брака. Существует поверье, что крапива растет на местах гибели проклятых или грешных людей. На Украине бытовала легенда о том, что крапиву посеял сам дьявол, и она проклята Богом.

Многие произведения Е. Миннигараевой пропитаны очень сильным женским началом. Если в повести «Мумы» много физиологического, то в последующих произведениях – архетипического [см. работу: Эстес 2006]. В них сильная женская энергетика. Она написана для женщин и женщиной, если говорить о гендерной составляющей. Главная героиня рождена на свет, чтобы быть счастливой. И каждый день, который описан в произведении, она борется за это, нередко – отчаянно. По всей видимости, она исполняет свое предназначение. Имя даёт разгадку и ответ (см. выше). Анна преподаёт удмуртский язык в коррекционной школе, а её интересуют вопросы, связанные с прошлым ее народа. Что? Как? Когда? Ей важно найти ответ: почему молодые девушки были погребены с камушком в руке. Почему ей достался этот камушек? В конце концов, почему здесь, на берегу Ижевского пруда, где ныне стоит Дворец пионеров, она находит этот странный артефакт?

Встретившись с болью и разочарованием, она «не раскисает», берёт себя в руки и продолжает жить. Да, женщина сильна. Но всё ли она знает о своей силе и силе того камня? Всегда ли она понимает, как ею пользоваться? Прекрасно, когда у женщины блестят глаза и лицо украшено улыбкой. Но сколько же дорог нужно ей для этого пройти, сколько железных сапог ступать. А всё для того, чтобы понять, пропустить через себя простую истину – только Любовь наполнит ценностью каждый её день! Женщина – вместилище Любви. Не надо ждать, не надо искать, **всё уже есть в ней самой**. Ответы на многие вопросы может подсказать книга Т. Д. Евстигнеевой-Зинчук «Тайный шифр женских сказок» [Евстигнеева-Зинчук 2015].

В данном произведении автор весь текст строит вокруг понятия *ИЗ**. Слово *Из* всегда выделено курсивом. Это еще один из признаков фэнтези**: читатель в твёрдой уверенности, что именно прописные буквы и выделенные слова обладают магическим воздействием.

Рассказ начинается с эпиграфа: *Изъёс шып уло, асьсэ дырзэс витъыса... Кудзэ ке иззэ чыжсо, кудзэ ке асфальт улэ вёлдо, кудзэ ке лэсьтйськонэ куто, кудзэ ке кин ке шоры лэзё...* ‘Камни лежат тихо, ожидая свое время... Какой-то камень пинают, другой закатывают в асфальт, другие используют в строительстве, а иные швыряют в кого-то...’***. Действительно, магического, или иррационального, или радиационного воздействия камня**** слишком много – ведь оно забирает молодость девушки, женщины, с которой соприкасается. Удивительно, что мужчине камушек никакого вреда не приносит: *Из кышномурт луллэн оглюкетэз луиз кадь; нылкышно жог, син кустын пересьме; быдэс арня курадзиз* ‘Камушек стал часть женской души/духа’. *Берытскиз изэзлы... зус котыртй чана ветлэ* ‘Вернулась за своим камушком... около скамейки прогуливается галка’. *Кузёзэ возьмаса, из юромо куар вылэ пуксем* ‘Дождаясь своего хозяина, камушек как будто специально сел на листик’. *Сэрпалтоно иззэ кыдёке-кыдёке...*

* В удмуртском языке для обозначения камня используются слова *из* и *кӧльы*. Первое обозначает большой камень, второе – маленький камушек, гальку. Но в произведении автор использует только первую лексему, хотя это маленький камушек, размером с леденец. Возможно, этим он подчеркивает некую масштабность и глубину происходящего.

** Фэнтези – (также *фэнтази, фэнтэзи, фэнтези*) (англ. *fantasy* – «фантазия») – жанр современного искусства, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов в современном виде. Сформировался в нач. XV в. С сер. XX в. значительное влияние на формирование современного облика классического фэнтези оказал Дж. Толкин. Произведения фэнтези нередко напоминают историко-приключенческий роман, действие которого происходит в вымышленном мире, близком к реальному Средневековью, герои которого сталкиваются со сверхъестественными явлениями и существами. Зачастую фэнтези построено на основе архетипических сюжетов. Также см. работы о фэнтези: [Лахманн 2009; Шумилова 2013, 9; Фрумкин 2004; Годоров 2010, 330–333; Харитоновна 2012, 313–337].

*** Сравните слова из книги Екклезиаста.

**** Каждый камень обладает своим радиационным фоном. Это свойство используется при лечении камнями, и именно это сила притягивает нас, женщин, при покупке украшений из драгоценных и полудрагоценных камней. Интуитивно мы выбираем то, что нам необходимо в данный момент. В восточной традиции широко используют знания о камне в разных областях жизни для увеличения ее качества (фэншуй, рейки, массаж и мн. др.).

‘Надо зашвырнуть камушек далеко-далеко’. *Сюлмысьтыз из усиз кадь* ‘Как будто камень с сердца упал’.

Незадолго до появления рассказа «Из», в «Удмурт дунне» была опубликована статья Е. Миннигараевой о ее поездке в необыкновенный природный и археологический заповедник Челябинской области Аркаим – центр древней цивилизации. Ученые считают, что его жители были огнепоклонниками, т. е. зороастрийцы. Аркаим считается местом силы, где каждый камушек дышит частицей истории и духовного становления, где необыкновенная энергетика. Вот почему в подобные места всегда много паломников. Возможно, что именно здесь нужно искать начало возникновения рассказа.

Удмуртский историк Н. И. Шутова отмечает, что природные свойства камня, его твердость, прочность, долговечность, слабая подверженность изменениям предопределяли его ритуальные свойства и способствовали сакрализации во многих религиозных системах. Но в удмуртской культуре камень не обладал особыми свойствами и качествами. На средневековых святилищах камни использовали: а) для оформления основания культового сооружения или культового места; б) в ряде случаев укладывали в определенном порядке, чтобы очертить границы наиболее сакрального места, оградить почитаемое место от осквернения; в) жернова, крупные обломки, песчаниковые плиты могли выполнять функции своеобразного алтаря или стола; г) некоторые камни могли символизировать сакральный центр или почитаемое божество, в ряде случаев служили заместителем обожествленного предка-родоначальника; д) нередко на священных местах были обнаружены мелкие камни, куски кремня, обломки точильных камней, грузил, пестов-тёрочников, которые могли быть использованы при совершении обрядов как жертвенные приношения [Шутова 2017, 119]. Но ничего близкого к тому, что описано в рассказе, нет. Откуда автор находит такую деталь, вокруг которого разворачивается вся сюжетная канва и ее интрига? Это вымысел или научно подтвержденный факт? Ученый ничего об этом не пишет.

В удмуртском фольклоре встречаются некоторые образы. Например: *Из но, му но пилиське но – адымилы чидано* ‘И камень, и земля трескаются, а человеку надо терпеть’; *Ум люкиське, ум люкиське, Ноку но ум люкиське: Куар ву пыдсы выйытозь но Из ву вылэ лоптытозь* ‘Не расстанемся, не расстанемся, Никогда не расстанемся – (пока) лист не утонет (на дно) и камень не всплывет (на поверхность воды)’. Но и эти образы камня не стоят в одном семантическом ряду, на который указывает автор рассказа.

Во все времена в разных культурах камень имел огромное сакральное значение. В данном произведении еще и эзотерическое знание, которое должна разгадать героиня. Передача знаний происходит через камень и символизирует груз знаний. В удмуртской традиции тоже были свои ритуалы передачи [см.: Владыкина 2003, 97–102], но здесь автор произведения выходит за рамки национального восприятия. Для российского читателя – это, прежде всего, сказки П. Бажова, которые все читали с большим упоением, погружаясь в фантастический мир волшебного камня, его необыкновенной силы. Хозяйка Медной горы не всех привечала, а только избранных. Но становились ли они счастливы? Ведь знание слишком тяжело – это огромный груз ответственности. А потому и горе от ума, как у А. Грибоедова. Ведь ни одна сказка П. Бажова не имеет явного счастливого конца [см.: Бажовская энциклопедия 2007].

В славянской мифологии камень – один из первоэлементов мира (наряду с землей, водой, огнем, воздухом); символ мертвой природы. Твердость, прочность, долговечность, неподвижность, неподверженность изменениям определяют его использование в охранительной, продуцирующей и лечебной магии. В народной космогонии камень трактуется как опора, основание, стержень, ось мира и уподобляется дереву мировому и горе. В первые времена камни были подобны живым существам: они чувствовали, размножались, росли, как трава, и были мягкими; с тех пор на них остались углубления – следы ног Бога, Богородицы, святых, нечистой силы, они перестали расти, когда Бог проклял людей и землю за грехи.

Происхождение крупных каменных глыб, валунов, скал и т. п. часто объясняется окаменением людей (иногда животных), великанов, проклятых или наказанных за грехи. В народной традиции распространено почитание культовых камней. Часто он выступает как заместитель

человека*, используется для обезвреживания опасности, чтобы ее источник стал мертвым и неподвижным**. Камню из-за его неподвижности приписывались свойства останавливать, прекращать болезнь или опасность***. Древний обычай устанавливать надгробные камни также объяснялся стремлением «связать» душу, «привязать» ее к могиле, дать ей обиталище, чтобы она не блуждала по свету. Место под ним связано с потусторонним миром: там скрываются во время грозы дьявол и демоны, происходящие из душ детей некрещеных; поляки считали, что там пребывают грешные души. Иногда камень в силу своей твердости ассоциировался с мужским началом****. У южных славян применялся в юридических ритуалах как орудие наказания (забывание камнями), как знак поругания (его должен был носить осужденный за прелюбодеяние), как символ клятвы и проклятия [Славянские древности 1999].

В рассказе камушек то черный, то серый***** (*сьод кѡлы, пурьсь из*), небольшого размера, как сосательная конфетка (*польпум быдза гинэ; капчи, сюпсѣн канфет кадь*). Символика черного камня связана с женским, отрицательным, темным началом, обычно воплощает в себе вечно девственную и жизнетворящую Природу: черный метеорит, ассоциировавшийся с Кибелой, – той самой, что стала Magna Mater deum Idaea (Великой Идской матерью богов) на Палатинском холме в Риме; Кааба в Мекке, вокруг которой совершенно обнаженные паломники должны были обойти семь раз, Омфалос в Дельфах – символ плодородия... Из черного камня вышел Митра – культ этого бога был популярен в пастушеской среде.

Символика серого цвета соотносится с ритуальными камнями-менгирами: столбы, валуны, статуи на о. Пасха, Стоунхендж и т. п. Как правило, это известняк – горная порода, сформировавшаяся из скелетов живших когда-то существ. Известно несколько драгоценных и полудрагоценных камней, которыми мы, женщины, так любим украшать себя, веря в их охранительную магию (агат, халцедон, лабрадор, гематит, яшма, гранит и серый жемчуг). Серый – нейтральный цвет для восприятия. Он заведует временем и покровительствует зрелости и старости, т.е. соотносится с мудростью; символ бизнеса. Мы *грызем гранит науки*, а нами руководят *серые кардиналы*...

* По обычаю южных славян, в случае смерти одного из близнецов или одномесячников, чтобы предотвратить смерть второго, нужно в рот умершему положить камень и сказать: «Оставляем тебе в качестве брата этот камень: а Х. (имя живого брата) берем себе братом».

** Чтобы волки не нападали на скотину, сербы в день св. Саввы раскаляли на огне камни. Чтобы предохранить воду в колодце от порчи, поляки туда кидали камень. Крепость и нерушимость камня определяют его использование в магических приемах сохранения крепкого здоровья: украинцы, болгары, поляки и чехи, чтобы не болела голова, во время первого грома трижды ударяли себя камнем по голове. Принадлежностью его к мертвой природе (он холодный, неподвижный, бесплодный, не растет, не развивается) объясняются запреты сажать ребенка на камень, – поляки считали, что иначе он не будет расти. В Польше существовал также запрет закапывать послед под камень, иначе следующие роды будут тяжелыми.

*** В южнославянской лечебной практике останавливающими свойствами якобы обладал «останавливающий камень» – большой, широкий, отдельно стоящий камень: если у женщины умирали дети, она, стоя на нем, должна была связать носочки и скроить рубашку своему ребенку, чтобы «остановить» смерть. В похоронном обряде также используются «останавливающие» свойства предмета: после выноса тела камень (наряду с железными предметами) помещают на то место, где лежал покойник, чтобы защитить домочадцев от смерти.

**** У болгар известен мотив чудесного зачатия юнака от камня, который носила с собой его мать. Белорусы считали, что если в земле под супружеской кроватью лежит камень, женщина забеременеет мальчиком.

***** В удмуртской традиции некогда были моления, посвященные Акташ (букв. ‘белый камень’), видимо, перешедшие к нам от татар или других тюркских народов (ср.: *бигер вѡсь* ‘татарское моление’). Культ белого камня относился к сакральной топографии и ассоциировался со злым божеством. Молились только мужчины [Владыкина 2011, 13–14]. Видимо, поэтому запрещалось приносить домой белые камушки, найденные у реки/на берегу реки (*Уг яра тѡды кѡлы юртьере нуллыны шуур дурьсь*).

Также камни могли использоваться в лечебной магии [см.: Панина 2014].

Загадку камня, возможно, знает лишь сам автор, а нам, читателям, приходится лишь гадать о том, что за всем этим скрывается.

Благодаря такому сложному образу, рождаются иногда совершенно несовместимые ассоциации. В рассказе огромное количество знаков и символов, которые хочется разгадать, вычислить. Всё это рождает еще и интертекстуальные связи: это могут быть библейские камни Екклезиаста (*Время разбрасывать и собирать камни*), и новозаветные, и исторические, и мифические, и литературные. Е. Миннигараева собирает в рассказе определенный культурный фон, т. е. концептуализирует, сгущая краски, и подводя читателя к определенным всплывкам озарения генетической памяти (ср., как это виртуозно сделано в киносценарии Дарали Лели к фильму «Узы-боры»).

Странный профессор, который то появляется, то исчезает, – с одной стороны, напоминает Воланда, а его фамилия отсылает к Алексею Вронскому. Но здесь, по-видимому, важную роль играет семантика фамилии Вронский*. Аннушка и трамвай (по тексту Анна и троллейбус) – напрямую связывают с сюжетными линиями шедевра М. Булгакова.

Можно бесконечно долго расшифровывать имена (Анна, Соня, Алексей) и фамилии героев (Вронский, Колдыков), адреса, предметы и артефакты, животных, которые встречаются в тексте (галка, муха – танцующая и мертвая), но вряд ли нам дано разгадать и найти тот философский камень, который держит в своей руке героиня рассказа Анна. Её миссия – найти сакральную истину, правду (*шедьты зэмлыкез*) своего народа.

Таким образом, сакральное пространство Ижевска имеет два пути «развития», два состояния. С одной стороны, мы знаем его историческое прошлое, связанное с мазунинской культурой; с другой – культурная память обрастает новыми легендами и мифами о городе Ижевске. Богатая символика рассказа, запутанные нити сюжета, странные герои, зашифрованная (закодированная) информация и мн. др. помогают разобраться в главном вопросе – почему так происходит. Интертекстуальные связи с произведениями русских и зарубежных классиков усиливают воздействие рассказа на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамасов А. А. Удмуртская поэзия второй половины 1970 – начала 2010-х годов: человек, природа, город. Ижевск: Инст-т компьют. исслед., 2015. 336 с.
- Бажовская энциклопедия. Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2007. 640 с.
- Вайль П. Гений места. М.: Сogrus, 2010. 660 с.
- Владыкина Т. Г. Знающий (туно) в удмуртской традиционной культуре // Удмуртская мифология. Ижевск, 2003. С. 97–102.
- Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. 320 с.
- Генинг В. Ф. Ижевский могильник IV–V вв. // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып. 7. С. 123–140.
- Душенкова Т. Р. Барби и Американская мечта // Инвожо. 2015. № 4. С. 23–26.
- Душенкова Т. Р. Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов: Очерк поэтической интерпретации. Ижевск, 2013. 168 с.
- Евстигнеева-Зинчук Т. Д. Тайный шифр женских сказок. СПб., 2015. 160 с.
- Зарифуллин П. Русская сакральная география: Статьи, эссе. СПб.: Лимбрус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2015. 448 с.
- Захаров П. Фантастикаез гоhton амальёс // Инвожо. 2004. № 1/2. С. 4–9.
- Лакманн Р. Дискурсы фантастического. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
- Миннигараева Е. Из // Удмурт дунне. 2012-тй ар. 13 инвожо. 5–7 б.
- Миннигараева Е. Съод сюлык: веросьёс, повесть, фэнтэзи, детектив. Ижевск: Удмуртия, 2016. 144 б.
- Мистический Ижевск // Известия Удмуртской Республики. 2016. № 001 (4426). 20 янв. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.izvestiaur.ru/culture/11366601.html> (дата обращения: 10.10.2018).

* Ср.: ворон как сакральная птица с негативной коннотацией. А еще раньше, в самом начале произведения, галка расхаживала рядом со скамейкой.

- Останина Т. И.* Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.
- Останина Т. И.* Ижевский могильник. Погребальный обряд, социальная структура общества // Удмуртия: новые исследования. Ижевск: Удмуртия, 1990. С. 31–47.
- Останина Т. И.* Раскопки археолога // Удмуртская правда. 1975. 26 сент. С. 4.
- Панина Т. И.* Слово и ритуал в народной медицине удмуртов. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 240 с.
- Роднов Л.* Русская легенда. Энциклопедия русского духа. Поэма. Ижевск: ERGO, 2007. 346 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти т. Т. 2. Д–К. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.
- Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу // НЛЮ. 2010. № 105/5. С. 330–333.
- Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. Группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
- Фрумкин К. Г.* Философия и психология фантастики. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 240 с.
- Харитонова Н.* «Потустороннее в наши дни». Категория страха в поэтике неофантастического испанского рассказа // Вопросы литературы. 2012. Июль–август. С. 313–337.
- Шумилов Е.* Город на Иже. – Ижевск: Удмуртия, 1990. 608 с.
- Шумилова А.* Вань-а фантастика удмурт литератураын? // Удмурт дунне. 2013 ар. 19 шуркынмон (ноябрь). 8 б.
- Шутова Н. И.* Камень на средневековых святилищах Камско-Вятского региона // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 115–120.
- Шутова Н. И.* Сакральное пространство народов Камско-Вятского региона: основные итоги, подходы и методы изучения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 133–149.
- Эстес К.-П.* Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказках. СПб.: София, 2006. 448 с.

Поступила в редакцию 18.10.2018

Душенкова Татьяна Рудольфовна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: dushenkovatr@mail.ru

T. R. Dushenkova

**Fantasy and reality: about the sacred and historical space of Izhevsk
(after reading The story of E. Minnigarayeva)**

The article deals with a myth/legend about a cemetery of the ancient Udmurts. The literary interpretation of the myth differs from the archeological interpretation of the data. The artistic interpretation offered by Elena Minnigaraeva enriches the mystic space of Izhevsk, giving it new angles and symbolism. Published in 2016, the story evoked discussions and aroused interest to the history of Izhevsk, its old cemetery and mystic places. The story-fantasy reveals the historic past of the territory where Izhevsk is located; at the same time the story develops a myth about the negative loci of the capital city of Udmurtia. Due to the combination of artifacts the story contains several levels. The sacral information or knowledge is transitioned through a small inconspicuous stone. The gray (black) stone becomes the symbol of ancient knowledge and the mystery transitioned by girls and young women from one generation to another; in return they lose their beauty and youth and may receive wisdom. Insanity caused by the ownership of the stone, attempts to get rid of it, exclusivity – these and other themes are at the core of the female characters who turned out to be the owners of this artifact. Anna, the female owner of this stone, has difficult times. “The truth” escapes her, but she is waiting for the miracle which fails to come. The author gives a hint that common sense and humility will help her survive and decipher the centuries-old terrifying mystery. The intercultural links of the text strengthen the effect of a riddle and the ways of guessing it. The associations and culturally relevant knowledge provided in the text enable readers to decode the secret.

Keywords: literary interpretation, present-day literature of Udmurtia, fantasy, sacral place, negative locus, symbol, artifact, intercultural links, decoding, poetics of the name.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 1, pp. 52–62. In Russian.

REFERENCES

- Arzamazov A. A.** *Udmurtskaya poeziya vtoroi poloviny 1970 – nachala 2010-kh godov: chelovek, priroda, gorod* [Udmurt poetry in the second half of 2010 and the beginning of 1970s: man, nature, City]. Izhevsk, Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2015. 336 p. In Russian.
- Bazhovskaya entsiklopediya* [Encyclopedia Bazhovskaya]. Ekaterinburg, Izd. dom «Sokrat», 2007. 640 p. In Russian.
- Vail' P.** *Genii mesta* [Genius of place]. Moscow, Corpus, 2010. 660 p. In Russian.
- Vladykina T. G.** Znayushchii (tuno) v udmurtskoi traditsionnoi kul'ture [The Knowledgeable (tuno) in the traditional culture of Udmurtia]. *Udmurtskaya mifologiya* [Udmurt mythology]. Izhevsk, 2003. Pp. 97–102. In Russian.
- Vladykina T. G., Glukhova G.A.** *Ar-god bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya* [AR-year BERGAN: Udmurt calendar ceremonies and festivals]. Izhevsk, 2011. 320 p. In Russian.
- Gening V. F.** Izhevskii mogil'nik IV–V vv. [Izhevsk burials in the IV–V centuries]. *Voprosy arheologii Urala* [Issues of archeology of the Urals], 1967, vyp. 7, pp. 123–140. In Russian.
- Dushenkova T. R.** Barbi i Amerikanskaya mechta [Barbie and the American dream]. *Invozho* [June], 2015, no. 4, pp. 23–26. In Russian.
- Dushenkova T. R.** *Neomifologizm v udmurtskoi poezii serediny 1990-kh godov: Ocherk poeticheskoi interpretatsii* [Neophilologism in the Udmurt poetry of the mid 1990s: an essay on poetic interpretation]. Izhevsk, 2013. 168 p. In Russian.
- Evtigneeva-Zinchuk T. D.** *Tainyi shifr zhenskikh skazok* [The secret code of women's tales]. St. Pererburg, 2015. 160 p. In Russian.
- Zarifullin P.** *Russkaya sakral'naya geografiya: Stat'i, esse* [Russian sacred geography: articles, essays]. St. Pererburg, Limbrus Press, OOO «Izdatel'stvo K. Tublina», 2015. 448 p. In Russian.
- Zakharov P.** Fantastikaez gozhton amal'es [How to write fiction]. *Invozho* [Invozho], 2004, no. 1/2, pp. 4–9. In Udmurt.
- Lakhmann R.** *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of fiction]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 384 p. In Russian.
- Minnigaraeva E.** Iz [Stone]. *Udmurt dunne* [Udmurt world], 2012, 13 June, pp. 5–7. In Udmurt.
- Minnigaraeva E.** *S'öd syulyk: veros'es, povest', fentezi, detektiv* [The black veil]. Izhevsk, Udmurtiya, 2016. 144 p. In Udmurt.
- Misticheskii Izhevsk [Mystical Izhevsk]. *Izvestiya Udmurtskoi Respubliki* [News of the Udmurt Republic], 2016, no. 101 (4426), 20 Jan. In Russian. URL: <http://www.izvestiaur.ru/culture/11366601.html> (accessed 10.10.2018).
- Ostanina T. I.** Dva pamyatnika mazuninskoi kul'tury v tsentral'noi Udmurtii [Two monuments of culture in Central mazuninskoi of Udmurtia]. *Poiski, issledovaniya, otkrytiya* [Quest research, opening]. Izhevsk, Udmurtiya, 1984. Pp. 26–92. In Russian.
- Ostanina T. I.** Izhevskii mogil'nik. Pogrebal'nyi obryad, sotsial'naya struktura obshchestva [Izhevsk burial ground. Funeral rite, the social structure of society]. *Udmurtiya: novye issledovaniya* [Udmurtia: new research]. Izhevsk, Udmurtiya, 1990. Pp. 31–47. In Russian.
- Ostanina T. I.** Raskopki arkheologa [Excavations of archaeologist]. *Udmurtskaya pravda* [Udmurt truth], 1975, 26 sept., p. 4. In Russian.
- Panina T. I.** *Slovo i ritual v narodnoi meditsine udmurtov* [Word and ritual in folk medicine of the Udmurts]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2014. 240 p. In Russian.
- Rodnov L.** *Russkaya legenda. Entsiklopediya russkogo dukha. Poema* [Russian legend. Encyclopedia of Russian spirit. Poem]. Izhevsk, ERGO, 2007. 346 p. In Russian.
- Slavyanskii drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. V 5-ti t. T. 2. D–K. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. 702 p. In Russian.
- Todorov Ts.** Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu [Introduction to fantastic literature]. *NLO* [New literary review], 2010, no. 105/5, pp. 330–333. In Russian.
- Toporov V. N.** *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythical poetry: Favorites]. Moscow, Izd. Gruppya «Prog-

ress» – «Kul'tura», 1995. 624 p. In Russian.

Frumkin K. G. *Filosofiya i psikhologiya fantastic* [Philosophy and psychology of fiction]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 240 p. In Russian.

Kharitonova N. «Potustoronnee v nashi dni». Kategoriya strakha v poetike neofantasticheskogo ispan-skogo rasskaza [“The Otherworld” nowadays. Category of fear in the poetics of neo-fantastic Spanish story]. *Voprosy literatury* [Literature questions], 2012, july–august, pp. 313–337. In Russian.

Shumilov E. *Gorod na Izhe* [The city in the Izh river]. Izhevsk, Udmurtiya, 1990. 608 p. In Russian.

Shumilova A. Van'-a fantastika udmurt literaturayn? [Is there any fiction in Udmurt literature?]. *Udmurt dunne* [Udmurt world], 2013, 19 november, p. 8. In Udmurt.

Shutova N. I. Kamen' na srednevekovykh svyatilishchakh Kamsko-Vyatskogo regiona [Stone on the me-dieval shrines in the Kamsko-Vyatka region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the University of Udmurtia], 2017. t. 27, vyp. 1, pp. 115–120. In Russian.

Shutova N. I. Sakral'noe prostranstvo narodov Kamsko-Vyatskogo regiona: osnovnye itogi, podkhody i metody izucheniya [Peoples' Sacral spaces in the Kamsko-Vyatski region: main results, approaches and meth-ods of study]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, t. 11, vyp. 2, pp. 133–149. In Russian.

Estes K.-P. *Begushchaya s volkami: Zhenskii arkhetyip v mifakh i skazkakh* [Running with wolves: female archetype in myths and fairy tales]. St. Peterburg, Sofiya, 2006. 448 p. In Russian.

Received 18.10.2018

Dushenkova Tatyana Rudolfovna,

Candidate of Sciences (Philology), senior researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: dushenkovatr@mail.ru